

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

*Если происходит
убийство, я твердо
знаю, что здесь была
не рука провидения
и не статистика,
а чья-то злая воля.
И моя задача –
противостоять этой
злой воле.*

Чингиз Абдуллаев

Отрицание
Оккама

ЭКСМО

Дронго

Чингиз Абдуллаев
Отрицание Оккама

«PEN-клуб»

2008

Абдуллаев Ч. А.

Отрицание Оккама / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2008 — (Дронго)

Сын главы крупнейшей корпорации Егор Богдановский погиб из-за обострения язвы – во всяком случае, так утверждают врачи. Близкие, а среди них известные политики, влиятельные бизнесмены, актеры, не верят этому и обращаются к эксперту-аналитику Дронго с просьбой провести расследование. Дронго – лучший в своем деле, но даже ему трудно работать среди тех, кто привык к власти и вседозволенности. Все его версии – месть, ревность, зависть – опровергаются по ходу дела. Он уже готов признать свое поражение, но сущая мелочь, всего несколько слов в разговоре, внезапно определяет и мотивы преступления, и самого убийцу...

© Абдуллаев Ч. А., 2008

© PEN-клуб, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Альберт Эйнштейн переформулировал принцип «Бритвы Оккама» следующим образом: «Все следует упрощать до тех пор, пока это возможно, но не более того».

«Следовало бы непрерывную праздность поместить среди мучений ада, а ее поместили в число блаженств рая».

Шарль Монтескье

«– Да, – подтвердил Трапс, – я действительно сыграл со старым гангстером злую шутку. Забавная была ситуация, как помню. По правде говоря, мне до сих пор стыдно в этом признаться – кому охота заглядывать самому себе в душу, идеально чистого белья ведь ни у кого не бывает, но среди таких чутких, понятливых друзей стыдиться как-то смешно, да и не нужно. Странное дело. Я чувствую, что меня понимают, начинаю сам себя тоже понимать, словно знакомлюсь сам с собой, то есть с человеком, которого я прежде знал только случайно...»

Фридрих Дюрренматт «Авария»

Глава 1

На этот раз он не собирался лететь в Москву или в Баку раньше конца сентября. Сделав две похожие квартиры с одинаковой планировкой, мебелью, техникой, библиотеками, обоями, даже занавесками и кухонной посудой, он чувствовал себя одинаково уютно и спокойно в обоих городах. Но в Рим его тянуло сильнее всего, там была Джил с детьми. Хотя длительное пребывание в Италии сказывалось на его самочувствии, он превращался в меланхолика, полагая, что не имеет права на праздное времяпрепровождение. Он становился противен самому себе, ему казалось постыдным проживать в доме Джил, ничем не занимаясь и ничего не делая. Хотя библиотека в этом доме не уступала его двум библиотекам. И здесь были книги на многих языках, которыми он не владел. Джил и дети спокойно читали книги на многих европейских языках, и ему было иногда стыдно признаться, что он не знает ни французского, ни немецкого.

Европа становилась одним общим домом для всех своих граждан. И многие европейцы уже считали нормой для себя знание трех-четырех европейских языков. Если английский был обязательным для мирового общения, то многие европейцы точно так же считали обязательным знать французский и немецкий.

Непосвященному человеку трудно понять, как нормальный средний житель может выучить сразу несколько языков. Но на самом деле в этом нет ничего необычного. Ведь многие европейские языки просто похожи друг на друга, имеют общие латинские корни. Дронго вырос в интернациональном полифоничном Баку, где почти все владели русским и азербайджанским языками, очень непохожими друг на друга. И многие знали еще другие языки – грузинский, армянский, фарси, арабский, каждый из которых был по-своему очень трудным и весьма непохожим на другие.

Они вернулись в Рим из Испании, с побережья Коста-дель-Луз, где отдыхали всей семьей. И пятого сентября раздался телефонный звонок. Это был Эдгар Вейдеманис, звонивший из Москвы.

– Добрый день, – вежливо поздоровался Эдгар, – как вы отдыхаете?

– Здравствуй. Пока ты не позвонил, у нас было все в порядке. Неужели ты позвонил просто так?

– Я позвонил, чтобы узнать, как вы себя чувствуете.

– Ценю твою латышскую вежливость, – проворчал Дронго, – если ты позвонил, значит, что-то случилось. Говори скорее, что именно? Насчет отдыха я тебе потом все подробно расскажу.

– Тебя ищет один человек, – сообщил Вейдеманис, – очень ищет. Говорит, что только ты сможешь помочь их семье. Он звонит уже несколько дней подряд. Узнал мой телефон и телефон Лени Кружкова. Просит о срочной встрече с тобой. Он даже знает, что ты сейчас в Италии.

Дронго не стал признавать, что обрадовался этому звонку. Значит, он сможет вернуться в Москву и снова заняться привычным делом. Здесь он чувствовал себя немного не в своей тарелке. Дети занимались своими делами, Джил работала, и он выглядел как абсолютный лентяй, что было противопоказано его деятельной натуре.

– Кто это такой?

– Кирпичников. Николай Данилович Кирпичников. Достаточно известный бизнесмен. И политический деятель. Он сенатор от Новосибирской области в Совете Федерации. Я наводил справки, он очень влиятельный человек, председатель комитета Совета Федерации, один из столпов российского сената.

– Никогда про него не слышал. Ты уже знаешь, зачем он меня ищет? Навел какие-нибудь справки?

– Думаю, что да. Примерно месяц назад в больнице умер младший брат его супруги, Егор Богдановский. Он сын президента крупной металлургической компании. Его отец Аристарх Павлович Богдановский входит в список «Форбса». Он глава компании «Сибметалл» и значится среди пятисот самых богатых людей. И он же является тестем Кирпичникова. Тебя не было в Москве, когда это произошло. В газетах намекали, что это могло быть убийство. Молодой человек умер достаточно неожиданно.

– В больнице? – уточнил Дронго. – Что здесь неожиданного?

– Ему было двадцать восемь лет. Молодой, здоровый, сильный человек. Увлекался гольфом, теннисом. Врачи считали, что у него была язва или что-то в этом роде. Мы сейчас уточняем. Хотя возможно, что сенатор ищет тебя совсем не из-за этого.

– В двадцать восемь лет, и уже язва? Неужели он так плохо питался? Судя по его отцу, в их семье должно быть несколько лишних миллионов долларов.

– Думаю, что несколько сотен миллионов.

– А сколько лет этому сенатору?

– Сорок пять.

– Его тестю?

– Под шестьдесят.

– Давно Кирпичников женат на дочери Богдановского?

– Двенадцать лет. Это его вторая супруга. У них двое детей. Он бросил на твои поиски все свои возможности.

– Ясно. Дай его телефон, я ему перезвоню. И узнаю, зачем я ему понадобился.

– От его имени несколько раз звонили в Баку, искали тебя там. Говорят, он вышел даже на российского посла Истратова, чтобы тот помог тебя найти. Видимо, ты ему очень нужен.

– Продиктуй его телефон.

– Он оставил свой мобильный и городской. Ты записываешь?

– Конечно. Диктуй, – он записал оба номера.

– Когда ты прилетаешь в Москву? – уточнил Вейдеманис.

– Теперь не знаю. Я хотел в конце сентября, но думаю, мне придется вернуться немного раньше, – ответил Дронго.

Попрощавшись с Эдгаром, он несколько минут сидел, глядя на телефон. Словно решал, как ему поступить. Он уже знал, что обязательно перезвонит Кирпичникову и выяснит, зачем

он понадобился этому сенатору. Он перезвонил через десять минут. Кирпичников сразу ответил, как будто ждал именно этого звонка. У деятелей такого масштаба обычно бывает с собой сразу несколько мобильных телефонов, и один из них считается самым важным. Как правило, этот номер знают только самые близкие люди – супруга, дети, ближайшие помощники. Возможно, именно такой номер дал Кирпичников Эдгару, чтобы его можно было сразу найти.

– Я вас слушаю, – ответил Кирпичников. Голос у него был сильный. Так обычно разговаривают люди, привыкшие отдавать указания.

– Добрый день. Мне дали ваш телефон, чтобы я вам перезвонил.

– Вы... тот самый... – замялся Кирпичников.

– Меня обычно называют Дронго, – представился он.

– Да, мне говорили. Господин... Дронго, я хочу с вами встретиться. У меня к вам очень важное и неотложное дело. Когда мы можем увидеться?

– Я сейчас не в Москве. Я нахожусь в Европе...

Он никогда не говорил, где именно он находится и где живет его семья. Это было для него абсолютным табу. Но, похоже, это обстоятельство не очень смущало Кирпичникова.

– Нам нужно срочно увидеться, – упрямо повторил сенатор, – и мне абсолютно все равно, где вы. В какой точке Европы. Чтобы вас не утруждать, я готов сам прилететь к вам. Только скажите, куда, и я завтра с вами встречу.

– Это так важно?

– Исключительно важно. Куда мне прилететь? Только назовите город и место. У меня к вам не телефонный разговор.

– Куда вам удобнее прилететь?

– Нам все равно. Мы можем быть завтра в Риме или в Милане.

Дронго задумался. Вызывать в Рим своего собеседника он не хотел. Достаточно и того, что тот знает, где его искать. Куда еще в Италии есть самолеты из Москвы, чтобы сенатору было удобнее? Кроме Рима – в Милан и Венецию. До Милана можно добраться скорым поездом. Так будет удобнее для них обоих.

– Завтра днем в Милане, – предложил Дронго, – часам к четырем. Успеете?

– Обязательно. Я обычно снимаю номер в отеле «Принц Савойский». Может быть, там и встретимся? Я могу заказать два номера, если вы тоже решите там остаться.

– Нет, – возразил Дронго, – это необязательно. Достаточно будет, если вы там завтра будете меня ждать.

– Обязательно. Отель легко найти. Он находится на площади Республики.

– Я знаю этот отель в Милане.

– Тогда до завтра. Спасибо, что вы согласились на эту встречу. Уверяю вас, что у меня будет к вам деловое и очень выгодное предложение. До свидания.

– До свидания, – Дронго положил телефон на столик рядом с собой и задумался. Если Эдгар прав, то вполне возможно, что господин Кирпичников под влиянием своей супруги или своего тестя хочет выяснить причину неожиданной смерти родственника. И тогда нужно попытаться до завтра навести все необходимые справки. Нужно будет поискать в Интернете и поднять подшивку центральных российских газет. Они наверняка писали о неожиданной смерти сына олигарха.

Он даже не подозревал, что уже завтра начнется его новое расследование, которое приведет к неожиданным результатам. В этот вечер он был оживленным и веселым. Джил обратила на это внимание, но он не стал ей ничего объяснять. И лишь утром, когда он заказал себе билет на скорый поезд в Милан, она поняла, что он снова собирается уехать. Но она знала, что пытаться остановить его бессмысленно. Он взял обратный билет на вечерний рейс и твердо пообещал вечером вернуться.

Ровно в четыре часа дня он вошел в просторный холл известного отеля. И сразу обратил внимание на семейную пару, сидевшую в глубине холла. Кирпичников вальяжно расселся в кожаном кресле, рядом расположилась ухоженная женщина лет тридцати пяти. Немного в стороне находился помощник Кирпичникова, который прилетел сюда вместе с ними. Увидев подходящего Дронго, сенатор поднялся и крепко пожал руку гостю. Он был чуть выше среднего роста, полноватый, грузный, с несколько отекившим лицом и светлыми глазами. Волосы у него были темные, тронутые сединой на висках. На сенаторе были светлый костюм и белая сорочка без галстука. Сидевшая рядом женщина была одета в легкий брючный костюм бежевого цвета. «Эскада», узнал известную фирму Дронго. В руках у нее была сумочка от Луи Виттона. Такие сумочки с известным логотипом обычно стоили от полутора тысяч долларов. У нее было вытянутое, немного асимметричное лицо. Тонкие губы, карие глаза, прямой нос. Она была коротко пострижена, но все равно было заметно, что она уже успела познакомиться с мастерством пластического хирурга, немного укоротив свой нос и убрав морщины вокруг глаз.

Помощник, увидев, как Кирпичников и гость обменялись рукопожатиями, быстро направился к кабине лифта, показывая дорогу. Это был сравнительно молодой человек, лет тридцати пяти. У него были светло-коричневые глаза, рыжие зализанные назад волосы, опущенный кончик длинного носа и заостренный подбородок. Он все время улыбался гостю, словно радовался его появлению больше, чем его хозяева.

– Спасибо, что согласились со мной встретиться, – немного растроганно произнес сенатор, – пройдемте ко мне в номер и там поговорим. Позвольте вам представить мою супругу. Наталья Кирпичникова.

Женщина протянула руку. У нее была тонкая, изящная кисть. И холодная ладонь. Дронго никогда не протягивал первым руку женщинам. Сказывался его восточный менталитет. И хотя в Америке или в Европе подобное поведение считалось почти предвзвешенным, учитывая жесткие требования феминисток насчет равноправия полов, он по-прежнему считал, что инициатива должна исходить от его собеседниц. Возможно, он был несколько старомоден, но меняться ему уже не хотелось.

Кирпичников снял самый большой сюит, так называемый президентский номер, в котором был даже собственный бассейн. Они устроились в большой гостиной, отделанной красным шелком. Тяжелые гардины, мебель ручной работы и глубокие кресла из красной кожи. В этом номере обычно останавливались коронованные особы, арабские шейхи и крупные российские бизнесмены. Хотя справедливости ради стоит сказать, что в этом номере жили не только российские, но и казахстанские, украинские, грузинские миллионеры.

Они уселись в кресла, и сенатор протянул коробку с дорогими кубинскими сигарами. Дронго покачал головой. Он никогда в жизни не курил. Сенатор взял сигару, ловко ее обрезать. Его супруга достала из сумочки тонкую пачку легких сигарет. Помощник возник у них за спиной, щелкнул зажигалкой. Очевидно, сюда не хотели пускать официантов и служащих отеля.

– Давай узнаем у нашего гостя, что он хочет пить, Арсений, – предложил Кирпичников, – и, конечно, у Натальи Аристарховны.

Арсений взглянул сначала на хозяйку:

– Что желаете?

– Как обычно, – коротко приказала Наталья.

– Воду без газа, – попросил Дронго.

– А мне джин с тоником, – приказал Кирпичников.

Арсений кивнул и почти бесшумно исчез за дверью. Сенатор раскурил сигару.

– Я давно хотел с вами встретиться, – признался он, – но мне говорили, что вы очень занятой человек и крайне неохотно идете на контакты.

– Мне просто не нравится тратить время на ненужные разговоры, – признался Дронго, – наша жизнь так коротка, а неприятные собеседники отнимают у нас минуты драгоценного вре-

мени. Кажется, Эйзенхауэр говорил, что, если вы хотите быть счастливым, нужно ни одной секунды не думать о людях, которые вам неприятны. И тем более не стоит тратить на них свое время.

Он увидел, как одобрительно кивнула ему супруга сенатора. Ей явно понравилось это выражение американского президента.

– У меня так не получается, – развел руками Кирпичников, покосившись на супругу, – я государственный человек и часто должен встречаться с людьми, которые мне изначально неприятны. Но таковы издержки нашей профессии.

– Насколько я знаю, вы по своей основной специальности строитель, а политикой начали всерьез заниматься только несколько лет назад.

– Вы хорошо информированы, – кивнул сенатор, снова взглянув на супругу, – мне нравится, что вы навели справки, прежде чем решили со мной встретиться. Это обнадеживает.

Супруга кивнула в знак согласия. Она наблюдала за Дронго, рассматривая его как любопытный экземпляр. Очевидно, деньги отца и положение мужа позволяли ей так бесцеремонно разглядывать любого, кто попадал в поле ее зрения. Сидевший перед ней незнакомец был скорее похож на бывшего спортсмена или телохранителя, чем на известного аналитика. Высокого роста, широкоплечий, с мощным торсом и длинными руками, он невольно привлекал к себе внимание. Большой лоб, высокие скулы, темные пронизательные глаза все-таки выдавали в нем человека интеллектуального. Она взглянула на его руки и пальцы. «Если такой человек сильно ударит, то он может убить своего врага», – неожиданно подумала женщина и даже поежилась от удовольствия.

Арсений внес на серебряном подносе бутылку минеральной воды без газа, пустой стакан и большой стакан джина с тоником. Для женщины – какой-то коктейль. Он аккуратно расставил все на столике и вышел.

– Спасибо, – Дронго был единственным, кто поблагодарил Арсения за его усердие. Сенатор и его супруга посчитали излишним произносить какие-нибудь слова.

Кирпичников выпустил струю дыма. Еще раз взглянул на супругу и начал говорить:

– Дело в том, господин Дронго, что я уже несколько дней пытаюсь вас найти. Я наводил справки, и мне сказали, что вы лучший эксперт в этой области. И вообще лучший по всем статьям. Некоторые считают, что вы умеете читать чужие мысли. Возможно, и так. Но мы нуждаемся в вашей помощи. Деньги для нашей семьи не проблема. Только назовите сумму, которая вас устроит. Нам нужна ваша помощь.

Дронго обратил внимание, что сенатор говорит во множественном числе – «мы». Супруга Кирпичникова продолжала разглядывать «любопытный экспонат», сидевший перед ней.

– Вы пока не сказали, что именно я должен сделать, – напомнил Дронго.

– Я думаю, что вы уже знаете, – сенатор заерзал в тяжелом кресле, и оно жалобно скрипнуло.

– В начале августа погиб младший брат моей супруги, – продолжал Николай Данилович, – он умер неожиданно, в больнице, куда мы его привезли. Врачи считали, что у него была язва, но мы точно знали, что он никогда язвой не болел. И вообще был здоровым человеком. Можете себе представить состояние его отца, состояние Натальи, мои переживания.

Он нахмурился. Потушил свою сигару:

– Разумеется, мы не стали делать вскрытие, чтобы не травмировать Аристарха Павловича. Он и так очень тяжело переживает смерть сына.

Сенатор тяжело вздохнул. Наталья резким движением руки потушила сигарету и неожиданно вмешалась в разговор:

– Вы должны понять наше состояние. В тот момент мы просто не понимали, что происходит, – сказала она резким, глуховатым голосом. – Нам казалось, что весь мир перевернулся. Мой отец до сих пор не пришел в себя.

– Да, – кивнул Кирпичников, – ему очень тяжело.

– Понимаю, – сказал Дронго, – и сочувствую вашему горю.

Кирпичников протянул руку, взял свой стакан и сделал несколько больших глотков. Затем вернул стакан на столик. Покосился на жену, очевидно, ожидая, что она захочет еще что-нибудь добавить. Но она молчала. Тогда он продолжил:

– Врачи выдали нам заключение, но нам было просто не до этого. Вы же знаете, как это бывает. Нужно было обговорить массу неприятных деталей, купить место на кладбище, провести похороны, поминки. В общем, все, как полагается. Уже позже, через несколько дней, мы стали изучать это «заключение». И сразу в него не поверили. Я показывал это заключение нескольким опытным врачам, и все говорили по-разному. Мы не знали, как нам быть, пока Наталья не решила сделать эксгумацию, так это называется... эксгумацию трупа.

Дронго подумал, что, несмотря на все громкие титулы Кирпичникова, движущим началом в их семье была супруга сенатора. В ней чувствовалась сила, свойственная решительным женщинам.

Сенатор снова взглянул на жену. Но она молча отвернулась. Ей, очевидно, пришлось пережить серьезное испытание.

– Мы провели эксгумацию, – повторил Кирпичников, – и ничего не сказали моему тестю. Сделали все тайком от него. Но нам нужно было знать правду...

Он замолчал. Затем протянул руку, достал вторую сигару. Обрезал ее, но не стал закуривать, а положил рядом с собой. Провел рукой по лицу, словно пытаясь отогнать неприятные воспоминания.

– Узнали? – наконец спросил Дронго.

– Да, – прохрипел Кирпичников, – его убили. Отравили. В этом нет никаких сомнений. Эксперты-патологоанатомы пришли к единодушному мнению. Его отравили. И поэтому я решил найти вас. Теперь вы понимаете, почему мы искали вас так настойчиво?

Глава 2

Дронго молчал. Можно было предположить, что ему поведают нечто подобное. Кирпичников закурил вторую сигару.

– На этот раз мы все точно проверили. Анализы отправили даже в Санкт-Петербург. Но эксперты настаивают, что ни о какой ошибке не может идти и речи. Он погиб, и это был яд, который они нашли в его уже разложившемся теле.

Наталья нахмурилась. Она хотела достать вторую сигарету, но не стала этого делать. А лишь положила пачку на стол. И снова вмешалась в разговор:

– Его убили, – резко и беспощадно произнесла она, – в этом нет никаких сомнений. И я хочу знать, кто это сделал. Меня не интересует, какими методами вы добываетесь своих результатов. Если вам нужен миллион, мы дадим вам миллион. Если нужно два миллиона, мы дадим два. Но я должна знать, кто это сделал. И почему. Я ничего не говорила своему отцу, но уверена, что и он испытывает подобные чувства. Мой отец достаточно умный человек и понимает, что Егор не мог умереть просто так. Молодой человек возвращается домой с вечеринки и неожиданно попадает в больницу. А потом вдруг умирает. Понятно, что ничего так просто не бывает. Отец и муж подняли на ноги всю больницу, и врачи просто от страха выдали такое идиотское заключение.

Кирпичников слушал жену, и Дронго наблюдал за сенатором. Тот сидел достаточно спокойно, но было заметно, что словоохотливость супруги несколько нервировала Николая Даниловича. Но он предпочитал молчать и не делать жене замечаний в присутствии гостя.

– Я вас понимаю, – осторожно сказал Дронго, – но учтите, что это не простое расследование. После смерти вашего брата прошло довольно много времени. Люди не всегда помнят детали вчерашнего вечера, а тем более им трудно вспомнить события, которые произошли месяц назад. Вы должны отчетливо представлять, насколько мне будет сложно, если даже я попытаюсь взяться за это дело.

Кирпичников хотел что-то сказать, но жена его решительно перебила:

– Мы все понимаем. И поэтому прилетели сюда встретиться с вами. Неужели вы считаете, что у российского сенатора так много свободного времени? Но я уговорила Николая Даниловича на эту встречу, потому что мы навели о вас справки. Вас считают самым лучшим, самым опытным, самым авторитетным экспертом в области расследований. Можете не сомневаться, мы смогли бы нанять любого частного детектива в Москве или где-нибудь в Европе. Но нам нужны именно вы. И ваша работа будет соответственно оплачена.

Дронго улыбнулся.

– Не нужно все время говорить о гонорарах, – мягко попросил он, – это оскорбительно и бесполезно. Если я решу взяться за расследование, то сделаю это не потому, что вы дочь известного бизнесмена и супруга не менее известного сенатора. А только потому, что любая подобная загадка – это некий вызов, который преступник бросает всему обществу. Всем нам, и мне в том числе.

Кирпичникова несколько удивленно взглянула на мужа. Тот решил, что пора вмешаться.

– Мы не хотели вас обидеть, – примиряюще произнес он, – нам важно, чтобы вы согласились нам помочь.

Он умел разговаривать с людьми в отличие от своей безапелляционной супруги. Если Наталья сказала, что они «предлагают эту работу», то он, изменив вектор общения, добавил, что им нужна «его помощь». Важно было оценить его тактичность. Дронго согласно кивнул головой:

– Я вас понимаю. Но прежде чем я соглашусь, я должен обговорить ряд своих условий.

– Безусловно, – сразу согласился Кирпичников, – я заранее согласен на любые ваши условия. В данном случае нам важен конкретный результат.

– Почему вы не обратились в прокуратуру, если у вас есть бесспорные доказательства преступления?

Кирпичников тяжело вздохнул. Они переглянулись с женой, и сенатор решил, что сам должен ответить на этот вопрос.

– Есть некоторые моменты, о которых мы скажем вам позже, если вы согласитесь на это частное расследование, – пояснил Николай Данилович. – Мы надеемся, что вы сможете гарантировать нам определенный результат. Мы наводили о вас справки.

– Во-первых, я его не гарантирую, – начал Дронго, – я не волшебник и не могу дать абсолютную гарантию, что смогу раскрыть это преступление. Но вы можете не сомневаться, что я сделаю все, что в человеческих силах, чтобы его раскрыть, если оно действительно произошло. Разумеется, в этом случае мы оговариваем часть гонорара, которую вы мне выплачиваете при любых обстоятельствах...

– Конечно, – согласился Николай Данилович.

– Подожди, – перебила его супруга, – значит, если господин Дронго не добьется никаких результатов, он все равно получит наши деньги? По-моему, это неправильно...

– До свидания, – поднялся Дронго, – торг окончен. Здесь не восточный базар.

Он повернулся и пошел к выходу.

– Пойдите! – крикнул ему Кирпичников. – Пойдите, не уходите. Я же сказал, что согласен на все ваши условия. Почему ты все время вмешиваешься? – нервно спросил он у жены.

– Господин Дронго, – повысила голос Наталья, – одну минуту...

Он остановился, обернулся. Когда к нему обращается женщина, выходить из комнаты, не попрощавшись, было не в его правилах. Она быстро поднялась, подошла к гостю, судорожно схватила его за руку.

– Вы должны меня понять, – с явным усилием произнесла Наталья. – Вы должны понять меня, – повторила она. – У меня такое состояние, как будто безжалостно вырезали часть моей души. Часть моей жизни. Он был младше меня на восемь лет, и я его очень любила. Не уходите. Пожалуйста, не уходите. Я была не права. Извините меня.

– Ваши извинения приняты, – согласился Дронго, – я понимаю ваше горе и сочувствую вам. Но не нужно пытаться меня оскорбить при каждом удобном случае. Я заключаю с вами деловое соглашение. Возможно, я не сумел стать сенатором, как ваш супруг, или главой корпорации, как ваш отец, но я требую не меньшего уважения. Хотя бы потому, что мы должны будем работать как партнеры.

Она выпустила его руку, и они вернулись на свои места.

– Что еще? – спросил Кирпичников, явно недовольный поведением супруги. – Какие-нибудь другие условия?

– Я веду расследование так, как мне удобно, а вы должны мне помогать, – продолжал Дронго, – это во-вторых. То есть никаких секретов, никаких тайн. Любую информацию, которая мне понадобится, вы должны мне предоставлять. Разумеется, я отвечаю за конфиденциальность. Заранее продумайте и решите, согласны ли вы на мое второе условие.

Сенатор опять переглянулся с женой.

– Конечно, мы согласны, – сказал Николай Данилович, – и мы готовы рассказать вам все, что мы знаем.

– И третье условие. Никто не должен знать о нашей встрече и нашем соглашении. Пока я сам не решу, что эту информацию можно обнародовать. Я должен работать в достаточно спокойной обстановке.

– Принимаем, – сразу согласился Кирпичников, – поверьте мне, мы даже Аристарху Павловичу не сообщили, зачем вылетаем в Италию.

– Он не знает, что вы решили провести собственное расследование?

Кирпичников тяжело вздохнул и покачал головой:

– Не знает. И не должен знать. Принимая во внимание его состояние... У него больное сердце, и после случившегося...

– Для него это самый большой удар в жизни, – торопливо добавила Наталья.

– Понимаю. У меня больше нет никаких условий. Я согласен принять ваше предложение и сделать все, что в моих силах. Но для начала вам нужно будет ответить на несколько моих вопросов.

– Пожалуйста, – кивнул Кирпичников.

Жена сидела рядом достаточно спокойно. Она уже не пыталась вмешиваться, поняв, что столкнулась с человеком, у которого гораздо более сильный и сложный характер, чем у ее супруга.

– Почему вы стали подозревать, что его убили? – спросил Дронго, устраиваясь поудобнее в своем кресле. – Почему вы решились на эксгумацию трупа?

Кирпичников пожал плечами, нахмурился.

– Это жена, – коротко ответил он, – она настаивала на этой... проверке. Не давала мне покоя. Она была убеждена, что он не мог умереть просто так.

– Почему?

Сенатор взглянул на жену, как бы давая ей возможность высказаться.

– Я не поверила, – объяснила Наталья, – я не могла поверить. Он, правда, курил и никогда не ограничивал себя в алкоголе. Но в двадцать восемь лет умереть от язвы? Я ведь его фактически вырастила и знала, что он был абсолютно здоров.

– Вы сказали «вырастила»? Что это значит?

– То и значит. Я заменила ему маму. Когда ему было восемь, а мне шестнадцать, наша мама умерла. У нее был рак. Отец делал все, чтобы ее спасти, показывал лучшим врачам, но это было еще в советское время. Тогда нельзя было выезжать за рубеж и лечиться в Америке или Германии. В восемьдесят восьмом году. Егор был во втором классе. Я – в десятом. Нам было одинаково больно и нехорошо. Но я была старше. Теперь понимаете, почему я так психую? Он был мне очень дорог.

– Каждый раз, когда я сталкиваюсь с подобными случаями, то задаю себе вопрос, почему это происходит? – неожиданно сказал Дронго. – Я не знаю ответа. Я понимаю, что даже в силу неумолимой вероятности должны быть ранние смерти, неполные семьи, потери близких и родных. Не может быть такого, чтобы у семи миллиардов людей не происходило ни одной трагедии, ни одного несчастного случая. Но почему все происходит именно так? Каков замысел Творца? Или это всего лишь случайность, статистика? Не знаю. Но если происходит убийство, я твердо знаю, что здесь была не рука провидения и не статистика, а чья-то злая воля. И моя задача – противостоять этой злой воле. Немного патетически, но поверьте, что именно эта задача мне представляется самой важной.

Кирпичникова понимающе кивнула.

– Спасибо. – Она достала платок и вытерла набежавшую слезу.

– Как это произошло? – спросил Дронго.

– Был прием в корпорации «Сибметалл». Обычная корпоративная вечеринка. Пригласили известных певцов, актеров. На вечере присутствовали политики, бизнесмены, писатели, художники, в общем, обычная тусовка. – Наталья убрала платок в сумочку. – И мы с Николаем Даниловичем тоже там были. Егор приехал чуть позже, он опоздал. В этот вечер он был такой красивый, ему так шел смокинг с бабочкой. Я еще подумала, что его нужно женить как можно быстрее.

– Где проходил прием?

– В саду «Эрмитаж». Там собралось около четырехсот гостей. Отмечали пятидесятилетие компании. Все поздравляли моего отца. Ведь он стоял у истоков создания «Сибметалла». Он был тогда одним из руководителей союзного ведомства, заместителем самого Колпакова. Был такой министр металлургии в бывшем СССР. Когда все распалось в девяносто первом, отец решил создать компанию по продаже металла за границу. И уже в девяносто втором начал ее создавать. В первые годы им было сложно. Потом стало гораздо легче.

– Там работала охрана?

– Конечно. И не просто охрана, а сотрудники службы безопасности компании. Восемнадцать человек. И руководитель службы безопасности Виктор Босенко. Они вместе с отцом уже пятнадцать лет. Босенко бывший полковник госбезопасности. Отец ему абсолютно доверяет. Поэтому мы не сразу решились на эту... экс... эксгумацию. – Ей, очевидно, было трудно выговаривать это слово.

– Кто обслуживал гостей?

– Официантов приглашал Босенко. Обычно он заключал договор с фирмами, обслуживающими такие вечера. Еду и напитки заказывали в самых лучших ресторанах, список у нас есть. Но ведь ни один человек не почувствовал себя плохо, никто не отравился. Никто, кроме Егора.

– Как это случилось? Я понимаю, что вам трудно, но постарайтесь рассказать мне более подробно.

Она достала из сумочки темные очки и надела их, чтобы ее глаза не выдавали ее чувств.

– Он опоздал примерно на час. Приехал позже обычного. Он часто опаздывал, но, учитывая наши московские пробки, в этом нет ничего необычного. Когда он появился, все женщины посмотрели в его сторону. Я уверена, что абсолютно все. Богатый, молодой, красивый, умный. И все знали, что он наследник моего отца. Нужно было видеть, какое впечатление он производил на женщин. Он подошел к отцу, поздравил его. Они были очень похожи друг на друга. Потом поцеловал меня, поздоровался с Николаем Даниловичем. И пошел к другим гостям. Часа через три, когда все начали расходиться, он сел в свою машину и уехал.

– Один?

Она посмотрела на мужа. Тот ничего не сказал. Наталья поправила очки.

– Не совсем, – ответила она, – он увез с собой одну из молодых женщин, приглашенных на прием.

– Куда они поехали?

– К нему домой.

– Он жил один?

– Конечно. Он уже пять лет как жил один.

– Что было дальше?

– Ночью он почувствовал себя плохо. Сначала он пытался снять боль, принял какое-то болеутоляющее. Затем выпил таблетку аспирина. Потом женщина вызвала «Скорую помощь». Врачи увезли его в больницу. Почти сразу туда приехали мы с Николаем и наш отец. Босенко привез какого-то специалиста из Минздрава, мы подняли всех врачей, делали все, что могли. Но на следующий день его перевели в реанимацию. Ему было совсем плохо, он потерял сознание. А вечером следующего дня скончался. Когда отцу сообщили об этом, у него едва не случился удар. Мы его отвезли в другую больницу. И он еще три дня лежал там. До... до похорон.

– И врачи считали, что это язва? Неужели возможно так ошибиться?

– Не знаю. Я ничего сейчас не понимаю. Но говорят, что это был очень редкий яд. И его трудно распознать в крови. Только в костных тканях он может проявляться через какое-то время. Поэтому его и нашли. Во всяком случае, на снимках врачи видели именно обострение язвенной болезни. Потом оказалось, что это яд разъедал стенки желудка. Нечто в этом роде. Но тогда никто и не думал, что Егора могли убить.

– Ясно. Вы беседовали с той женщиной, которая оставалась ночью у вашего брата? Может, он выпил что-то, после того как приехал домой?

– Беседовала, и не один раз. Я хорошо знаю эту молодую женщину. Она была в таком состоянии, почти в шоковом... Я думаю, она его любила... Его невозможно было не любить.

– Мне придется с ней встретиться.

Натаалья сняла очки, достала сигарету, закурила. Затем медленно проговорила:

– Дело в том, что она не совсем обычный свидетель. И поэтому мы не можем передать дело в прокуратуру или в милицию. У нас достаточно деликатная ситуация...

Дронго ждал, когда ему объяснят. Натаалья вдруг раздраженно обратилась к мужу:

– Скажи и ты что-нибудь.

– Дама, о которой идет речь, замужняя женщина, – сразу пояснил Кирпичников, – и мы бы не хотели, чтобы ее имя стало известно... Ее супруг очень влиятельный человек, и мы семейно с ними знакомы.

– Понимаю. Но если я соглашаюсь расследовать возможное убийство вашего родственника, то обязан поговорить и с ней. Можете не беспокоиться, я постараюсь встретиться с ней так, чтобы об этом никто не узнал.

– Конечно. Конечно. Но вы понимаете, что эта информация должна быть строго конфиденциальной...

– Мы уже обсуждали этот вопрос, – напомнил Дронго.

Кирпичников взглянул на жену.

– Ты сама хотела пригласить независимого эксперта, – негромко напомнил он, – и отказалась от официального расследования. Теперь придется ему все рассказать.

– Рассказывай, – кивнула супруга, – я думаю, что мы просто обязаны это сделать.

– Это Мила Гришунина, – выдохнул сенатор, – супруга моего коллеги, сенатора от... в общем, жена Анвара Махметова. Члена Совета Федерации и известного политика. Вы должны знать, что любое упоминание его фамилии или фамилии его супруги вызовет грандиозный скандал. Достаточно и того, что некоторые газеты уже намекали на причастность Гришуниной к событиям вокруг смерти Егора. Махметов – председатель комитета в сенате. И к тому же он восточный человек, и такой невероятный факт просто разрушит его семью.

– Это его первая супруга?

– Третья, – ядовито заметила Натаалья. – Она же известная актриса, неужели вы не видели ее в сериалах? Мужчины сходят из-за нее с ума. Говорят, что она самая сексуальная женщина в нашем кино. Наверняка вы ее помните. Хотя по отношению к моему брату она вела себя очень трогательно.

– Теперь вы понимаете, почему нам нужен независимый и частный эксперт? – спросил Кирпичников. – Это очень деликатное и сложное поручение. Нам нужно не просто найти убийцу, но и сделать так, чтобы вся эта история не попала в прессу. Вы же знаете журналистов: они ищут любую возможность выплеснуть всякую грязь на страницы своих газет. Им нужны сенсации, а нам нужен убийца нашего Егора.

Дронго протянул руку и выпил оставшуюся в его стакане воду. Немного помолчал. Эти апартаменты все-таки производили впечатление своей роскошью.

– У вас очень красивый номер, – сказал Дронго, оглядываясь по сторонам.

– Я всегда здесь останавливаюсь, – самодовольно ответил Кирпичников. – Мы иногда выбираемся в Милан и отправляемся отсюда на горнолыжные курорты. Даже когда я не могу поехать с семьей, туда едет Натаалья Аристарховна с детьми. Обычно Арсений все сам организует. Это наша незаменимая правая рука.

– Здесь прекрасные курорты, – вежливо согласился Дронго.

– А в Швеции у нас свое небольшое шале, – добавил Николай Данилович, – но у нас никогда нет времени там побывать. И за хозяйством, и за нашим зимним садом там следит только Арсений. Он там бывает чаще, чем мы.

– Ты потом расскажешь о своих путешествиях, домиках и наших помощниках, – нервно перебила Наталья, – давай наконец уточним у нашего гостя: он согласен или нет?

– Вы согласны? – спросил Кирпичников.

– Судя по вашим рассказам, это дело еще более запутанное, чем я его себе представлял. Во время приема была запись на камеры? Обычно такие мероприятия фиксируются на пленку.

– Мы все просмотрели, – сказала Наталья, – по несколько раз. Много людей, полно гостей, и ничего конкретного нельзя увидеть. Если бы мы знали, что моего младшего брата собираются отравить, мы бы следили все время за его бокалом или тарелкой. Но камеры все время двигались вместе с приглашенными.

– Так вы готовы нам помочь? – снова переспросил Кирпичников.

– Да, – кивнул Дронго, – я попытаюсь что-нибудь придумать. Сделаем так. Через два дня я возвращаюсь в Москву. Вы соберете мне все акты экспертиз, все заключения врачей и найдете телефон госпожи Гришуниной. А еще мне нужно будет побеседовать с этим Босенко.

– Мы все вам обеспечим, – сразу согласился Николай Данилович. – Может, вам нужна охрана, помощники?

– У меня есть свои помощники, а охрана мне ни к чему. Она только привлекает ненужное внимание.

– Мы согласны на все ваши условия, – напомнила Наталья, – нам нужна только правда. Мы хотим знать, кто и зачем его убил.

«Интересно, что я скажу Джил?» – подумал с некоторым унынием Дронго. Он уже размышлял над этим делом и понимал, что теперь будет думать о нем все время.

Глава 3

Через два дня он уже сидел у себя дома в Москве и внимательно изучал присланные ему акты экспертиз. Рядом на диване разместился Эдгар Вейдеманис, который терпеливо ждал, пока он закончит читать. Дронго собрал листки в одну стопку, положил их рядом на столик.

– Что ты об этом думаешь? – спросил его Вейдеманис.

– Ничего хорошего, – мрачно признался Дронго, – первый акт был составлен в спешке, неграмотно, бестолково. Очевидно, врачи были просто напуганы таким количеством высоких гостей и положением самого умирающего. В тот момент они готовы были подписать любую бумагу, все, что угодно. Если бы им предложили написать, что он умер от сердечного приступа, они бы поставили свои подписи и под таким бредовым заключением. Вскрывать тело им все равно никто бы не разрешил. А вот все следующие исследования проводились уже с учетом мнения опытных патологоанатомов. И здесь все соответствует истине. Поэтому никогда не нужно давить на врачей или мешать им работать. Можно навредить в конечном итоге самому себе или своему близкому.

– Значит, его отравили?

– Возможно. Я слышал про действие такого рода яда. Он вызывает сильную боль в желудке, достаточно быстро разъедает сосуды, и симптомы похожи на открытую язву желудка. Есть яд более удобный, который вызывает паралич сердца, когда жертва гарантированно получает инфаркт в течение нескольких часов. И почти никогда невозможно ничего установить. Если бы не лаборатория в Санкт-Петербурге и лучшие специалисты в Москве, возможно, и здесь было бы решено, что несчастный молодой человек умер все-таки от открывшейся язвы.

– Такой яд может случайно оказаться в еде или в напитках? – удивился Эдгар. Прежде он был сотрудником Первого Главного управления КГБ СССР и понимал некоторые вещи не хуже самого Дронго.

– Никогда, – возразил Дронго, – и подобный яд не смог бы достать случайный человек. Это специальные разработки спецслужб. Значит, его не просто отравили. Иначе бросили бы ему в стакан обычную синильную кислоту или какой-нибудь цианид. Отравитель действовал очень умно: он хотел, чтобы смерть наступила в другом месте и в другое время. И достал такой специфический яд. Посмотри на заключение лаборатории. Здесь четко указано, что в природе подобный яд не встречается.

– Тогда выходит, что нужно искать среди определенного контингента, – задумчиво предположил Вейдеманис, – среди тех, кто мог быть связан с сотрудниками спецслужб.

– Нужно поговорить с этим Босенко, – напомнил Дронго, – и просмотреть запись приема. Возможно, мы сможем увидеть что-то, чего не увидели остальные. Хотя на это у меня мало надежды. Так просто не бывает. Чтобы никто и ничего не увидел, а мы бы посмотрели пленку и сразу вычислили убийцу. Это было бы слишком просто. Да и убийца не стал бы дергаться под прицелом объектива камеры. Но посмотреть необходимо. И еще встретиться с госпожой Гришуниной. Судя по всему, она была с погибшим всю ночь.

– Я видел два фильма с ее участием, – сообщил Вейдеманис.

– И что?

– Красивая женщина, – одобрительно ответил Эдгар, – высокая и рыжая. С большой грудью. И кажется, у нее своя, натуральная грудь.

– Это критерий красоты по-латышски? – иронично уточнил Дронго.

– А тебе нужно, чтобы был другой критерий? – спросил Вейдеманис, пожимая плечами. – Ты посмотри на нее, и сразу поймешь, что любому мужчине понравится такая женщина. Только я не совсем понимаю, как сенатор и восточный человек мог выбрать себе такую жену.

– Она ему тоже понравилась, – буркнул Дронго, – все очень банально и просто. Теперь будем решать, что нам делать.

– Куда поедет? – спросил его Эдгар. Он привык быть «тенью» рядом со своим другом и напарником.

Дронго основал свою частную фирму несколько лет назад, только для того, чтобы обеспечить себе лицензию частного детектива и право на ношение оружия. В фирме работали, кроме него, лишь несколько человек: его водитель, Эдгар Вейдеманис, Леонид Кружков и в качестве секретаря супруга Кружкова. Кружковы дежурили в офисе на проспекте Мира, принимая почту и отвечая на различные письма. Дронго и Эдгар проводили расследования.

– Сначала позвоним госпоже Гришуниной, – предложил Дронго, – у нее имеется супруг, и она не сможет беседовать с нами в любое удобное для нас время. Нужно предложить ей назначить время самой.

Он взял телефон, набирая уже известный ему номер. Наталья Кирпичникова любезно предоставила ему мобильные телефоны Гришуниной и Босенко. Женщина сразу ответила. У нее был красивый, мягкий тембр голоса.

– Я вас слушаю, – сказала Мила.

– Госпожа Гришунина?

– Да, это я. Кто со мной говорит?

– Меня обычно называют Дронго. Я хотел бы с вами встретиться в любое удобное для вас время.

– Вы тот самый эксперт, о котором мне говорила Наталья?

– Да.

– Интересно. Я немного про вас слышала. В жизни вы тоже такой неординарный?

– Не знаю. Мне трудно судить. Когда мы с вами сможем увидеться?

– Когда угодно, – чуть помолчав, ответила женщина.

Дронго несколько озадаченно взглянул на Эдгара. Как они смогут объяснить мужу этой дамы, зачем они приехали?

– Простите, – уточнил Дронго, – вы сможете нас принять прямо сейчас?

– Конечно, смогу. Только почему «нас»? Я не думаю, что при нашей встрече должен присутствовать кто-то посторонний.

– Наверно, вы правы. Где мы можем увидеться?

– В моей городской квартире. Я сейчас дома одна. Отпустила кухарку и домработницу. Когда вы сможете приехать?

– Где вы живете?

– На Бирюзова. Это такой новый большой дом на...

– Я знаю. Какой у вас этаж?

– Шестнадцатый. У нас двухуровневая квартира.

– Вы можете предупредить внизу охрану?

– Вас пропустят. Можете не беспокоиться. Только скажите, что вы приехали ко мне. И вот еще что... Лучше скажите, что вы приехали от Киры. Ко мне иногда приезжают ее парикмахеры и массажисты. Вы меня понимаете?

– Понимаю, – он улыбнулся. Интересно, поверят ли охранники, что он может быть массажистом? Или мастером салонной завивки? Впрочем, это не его дело.

– Я еду один, – решил Дронго, – а ты останься дома и договорись с Босенко о сегодняшней встрече. И встреча должна обязательно состояться в его офисе.

– Сделаю, – кивнул Эдгар.

Дронго поспешил в спальню, чтобы переодеться. Он уже много лет носил привычные костюмы одних и тех же фирм, обувь и ремни известной швейцарской фирмы, даже парфюм он предпочитал не менять, хотя появилась масса новых и эксклюзивных ароматов. Но если

раньше он говорил о своих предпочтениях не стесняясь, то в последние годы это уже могло быть расценено как скрытая реклама.

Приехав к указанному дому, он объяснил охранникам, что поднимается в квартиру госпожи Гришуниной с поручениями от Киры. Один из охранников с заметным сомнением взглянул на дорогой костюм и фигуру гостя, но ничего больше не спросил. В его функции допрос гостей не входил. Дронго поднялся на шестнадцатый этаж в кабине лифта, где могло поместиться сразу двенадцать человек. Вышел на лестничную площадку, прошел к нужной ему двери. Дверь открыли еще до того, как он позвонил.

На пороге стояла молодая женщина в джинсах и темной майке. Ей было не больше тридцати. Густая рыжая коса, красивое скуластое лицо, зеленые глаза, чувственные губы. Она была высокого роста, почти под метр восемьдесят. Оглядев Дронго, она кивнула ему в знак приветствия и пропустила в квартиру.

– Входите, – пригласила она, – идемте в гостиную.

По квартире она ходила босиком. Дронго обратил внимание на ее ноги. Квартира была оборудована в тяжелом псевдовосточном стиле, шелковые цветные обои, тяжелые гардины, монументальные полотна художников в золоченых рамах, итальянская мебель из натуральных сортов дерева. На огромном белом диване хозяйка уселась в углу, поджав ноги под себя. Небольшой пудель, прибежавший из другой комнаты, весело забрался к ней на колени. Дронго огляделся.

– Садитесь на диван, – пригласила его Мила, – не нужно стесняться. Здесь будет удобно. Что-нибудь хотите выпить?

– Нет, спасибо. Я только хотел с вами поговорить.

– Все ясно, – она посмотрела на его обувь и неожиданно улыбнулась, – какой размер обуви вы носите?

– Сорок шестой.

– У меня сорок второй. И я раньше дико комплексовала из-за этого.

– Напрасно. Квентин Тарантино считал, что ему нужно все время показывать лодыжку Умы Турман. Она у него снималась в основном босиком. Он считал ее сорок второй размер очень эротичным.

– Убедили, – она криво усмехнулась, – хотите узнать, как все произошло? Как это могло произойти?

– Понимаю, как вам трудно...

– Очень трудно, – серьезно сказала она, – я думаю, что у нас были не просто отношения, какие случаются между замужней женщиной и молодым человеком. Я его любила. Любила по-настоящему. Он отличался от всех этих... – она презрительно передернула плечами. – И вы можете себе представить, что я пережила. Мне было так страшно...

– Давайте по порядку. Извините, если мои вопросы покажутся вам несколько нетактичными, но я обязан их вам задать для уяснения дела. Вы раньше с ним встречались?

Она погладила пуделя. Было очевидно, что собаке нравится этот жест хозяйки.

– Да, – с некоторым вызовом произнесла Мила, – мы с ним встречались несколько месяцев. И вообще, я собиралась уйти от мужа и переехать к нему. Если бы не эта трагедия... – у нее дрогнул голос.

– Как вы познакомились?

– Через его сестру. Наши мужья проходят по одному ведомству, оба заседают в этом Совете Федерации. Мы познакомились на одной вечеринке. Подружились. Я уже второй год замужем, а у Натальи двенадцатилетний стаж супружеской жизни. Хотя она вторая жена Николая Даниловича, и он тоже ее второй муж.

– Я не знал, что она была замужем.

– Студенческое увлечение. Она мне рассказывала. Не более того. Они поженились в девятнадцать и через несколько месяцев развелись. Ей хотелось поскорее стать взрослой. Такое иногда случается с молодыми женщинами, которые рано теряют мать.

– Вы тоже были в таком положении? – понял Дронго.

– В гораздо худшем, – она снова погладила пуделя, – у Натальи был такой известный отец, за которым она могла чувствовать себя как за каменной стеной и к кому всегда могла вернуться. А я провинциалка, приехала в Москву в семнадцать лет поступать в институт. И, конечно, все завалила. Осталась одна в городе, без родителей. Одну ночь даже провела на вокзале. Потом нашла двоюродную сестру мамы. Устроилась на работу. Можете себе представить, сколько мужчин ко мне приставали. С моим ростом и этими рыжими волосами. Они у меня свои, некрашеные. Я их тогда остригла. И перекрасилась в брюнетку. Но все равно приставали... А однажды меня пригласили на съемки, и фотограф надел на меня рыжий парик. Он решил, что мне подойдет именно такой цвет волос. Когда волосы отросли, я их уже не стригла. Потом работала на разных фотосессиях, пыталась устроиться, пробиться, но быстро поняла, что мне нужно учиться. И наконец в двадцать лет поступила в театральное училище. Я думаю, преподавателям просто понравилась моя внешность, никаких данных у меня тогда не было, а мой жалкий лепет мог их только рассмешить. Но говорят, что в любом театре и в любом учебном заведении точно знают, что в труппе всегда должны быть роковые красавицы. Рыжие бестии с такой внешностью и ростом. Я думаю, что меня приняли условно. Хотя набравший на курс известный актер довольно скоро и не очень стесняясь предложил мне сойтись еще ближе. Возможно, принимая меня на свой курс, он подумывал и об этом. Я сейчас не знаю. Он уже несколько лет как умер.

Уже через год мне предложили роль, в которой я должна была демонстрировать свою голую грудь. Я не смущалась, решила быстро сделать карьеру. Еще через год я снялась уже в четырех фильмах, и везде в основном использовали мою внешность. У меня появились поклонники, друзья, рядом всегда было много мужчин. В двадцать три года я вышла замуж. Красивый молодой человек из хорошей семьи. Он был старше меня на три года, и его отец был известным режиссером. Все было хорошо. У нас была отдельная трехкомнатная квартира, машина, у мужа престижная работа в известной зарубежной фирме. Но мне было с ним так скучно! Он был такой правильный и надежный. Всегда спокойный, словно ничто его не волновало. Он даже в постели вел себя как примерный отличник, извините за такую подробность.

Я иногда возвращалась домой поздно, начала курить, выпивать. Но никогда не позволяла себе никаких глупостей, считала себя замужней женщиной. А он даже не спрашивал, где я бываю. Иногда хотелось схватить его за плечи и растряссти, такой он был правильный и спокойный. Через полтора года мы с ним развелись. Без скандалов и ссор. Просто решили жить отдельно. Он сделал мне двухкомнатную квартиру и просто исчез из моей жизни. Сейчас я думаю, что у нас были несовместимые группы крови. Он мне казался таким надежным и устойчивым человеком именно потому, что у меня была несколько бурная молодость и я хотела получить какой-нибудь «надежный якорь». Оказалось, что держать меня на якоре просто невозможно.

Она тяжело вздохнула.

– Потом я снялась сразу в нескольких сериалах. Меня заметили, стали приглашать на более характерные роли. Примерно три года назад среди моих постоянных поклонников появился Анвар Махметов. Такой солидный и богатый «дяденька». Мне завидовали все подруги. К тому времени он был уже разведен. Дело в том, что его первая супруга умерла еще восемь лет назад. Потом он женился на польке, с которой развелся уже через год. Я видела ее фотографию. Между прочим, полька была блондинкой. Наверное, его тянет к светлым женщинам. Он начал за мной бешено ухаживать. Дарил бриллианты, машины, дорогие наряды. Что мне оставалось делать? Через год он сделал мне предложение. И я согласилась. Сейчас

понимаю, что поступила достаточно глупо. Я его никогда особенно не любила. Но относилась к нему с уважением до тех пор, пока я не... в общем, я сказала ему, что жду ребенка.

Она снова погладила пуделя и неожиданно спросила:

– У вас есть сигареты?

– Я не курю.

– Я тоже не курю. Но когда рядом курят, это меня успокаивает. Я бросила курить несколько лет назад. И сейчас специально не держу дома сигарет. Я тогда так радовалась этому ребенку, думала, что у нас все будет в порядке. Но когда он узнал, что я в положении, он повел себя странно. Сухо сказал мне, что ему уже за сорок. И неизвестно, с какими генетическими отклонениями может родиться наш ребенок. И вообще он не хочет больше иметь наследников. У него есть дочь и сын от первой жены, уже взрослые. И ему вполне достаточно двух наследников. Он настоял, чтобы я сделала аборт. Вот тогда все у нас и сломалось. Я поняла, что он меня никогда особенно не любил. Я для него всего лишь дорогая и красивая игрушка, которая нужна на приемах и официальных встречах. Аборт мне сделали неудачно. И врачи сказали, что у меня больше никогда не будет детей.

Пудель поднял голову и взглянул на хозяйку. Возможно, собачка чувствовала состояние Милы или уловила изменение тембра ее голоса.

– В общем, я поняла, что мы разные люди. И с тех пор мы жили как бы сами по себе. Я хочу, чтобы вы знали: до Егора у меня тоже были друзья, с которыми я встречалась. Но Егор... Когда я его увидела, то влюбилась сразу. Мне было уже двадцать девять, а ему только двадцать семь. Вы не можете себе даже представить, как комплексует женщина, когда она старше своего молодого возлюбленного. В тот вечер мы договорились встретиться с ним на вечеринке у его отца. Приглашения были присланы нам домой, но Анвар Ахметович, как всегда, отказался, заявив, что уедет ночевать на дачу. Я поехала на прием и увидела там Егора. Он был в таком веселом настроении, беспрерывно шутил, смеялся. Я даже начала его немного ревновать. Он нравился всем женщинам. Мы уехали вместе. Поехали к нему домой. Мужу я сказала, что еду сюда и рано лягу спать.

Мы приехали к Егору и сначала приняли душ. У него в квартире две большие ванны, но мы принимали душ вместе. Уже тогда я заметила, как он несколько раз схватился за живот. Потом он вышел, а я осталась в ванной, чтобы посушить волосы феном. Когда я вернулась в комнату, он уже стонал на кровати. Я дала ему болеутоляющее, пенталгин. Потом таблетку аспирина. Но он уже почти кричал. И я решила вызвать «Скорую помощь». Они приехали и сразу решили его госпитализировать. Но я не могла его отпустить. Просто не могла разрешить его увезти. Я позвонила Наталье. Она знала, что мы встречаемся с ее младшим братом. И я повезла Егора в больницу. Наталья сразу примчалась к нам, буквально минут через десять. Вскоре приехал и Николай Данилович. Потом отец Егора. Они все были в таком состоянии... Но Егору становилось все хуже и хуже. Никто не мог поверить, что исход будет таким страшным. Ведь мы все видели его вечером здоровым и улыбающимся. Рано утром я уехала домой – знала, что приедет муж, и не могла оставаться в больнице. Я весь день была сама не своя. А потом позвонила Наталья и начала громко плакать. И я сразу все поняла...

Она осторожно переложила пуделя на диван, словно опасаясь причинить собаке боль неосторожным движением руки.

– Вот так все и закончилось. Говорят, что у рыжих свое счастье. Значит, я его лишилась, когда в девятнадцать лет сама остригла свои волосы.

Она взглянула на Дронго.

– Жаль, что вы не курите, – добавила Мила.

– И вы считаете, что ваш супруг не узнал подробностей той ночи? – уточнил Дронго.

– Узнал, – сказала она чуть дрогнувшим голосом, – конечно, он все узнал.

Глава 4

Она поднялась с дивана и, коротко извинившись, куда-то вышла. Дронго остался наедине с белым пуделем. Собака смотрела на него, словно спрашивая, почему он так мучает ее хозяйку. Дронго вздохнул.

– Мне нужно выяснить, кто его убил, – попытался объяснить он собаке. Но пудель соскочил с дивана и побежал за хозяйкой. Через минуту они появились вместе. Мила принесла несколько газет и снова уселась на диване. Пудель прыгнул к ней, но улегся рядом, на диване.

– Вот эти газеты, – показала она, – и в каждой из них открытым текстом написано, что молодой наследник империи «Сибметалл» скончался в результате внезапного обострения язвы. Намекали, что он перепил на этой вечеринке, а он сам сидел за рулем, и мы вместе приехали домой. Все газеты написали, что в больницу его привезла неизвестная дама, в которой узнали актрису и жену видного политика, заседающего в Совете Федерации. После этого вычислить, кто эта женщина, было совсем нетрудно.

– Зачем вы держите эти газеты? – спросил Дронго.

– Как напоминание о собственной глупости, – зло ответила она. – Мне нельзя было появляться в больнице, но я была в таком состоянии. Не думала ни о чем. Ему было так плохо, а я испугалась. И меня, конечно, все узнали. Это как проклятие нашей профессии. Меня трудно с кем-то спутать. Высокий рост, эти рыжие волосы, моя вызывающая внешность. Уже через два дня Анвару Ахметовичу звонила его дочь, которая меня всегда ненавидела. Она требовала, чтобы он развелся с этой дрянью, как она меня назвала. Потом позвонили его родственники, друзья. Он устроил мне скандал. Мы с ним никогда так не ругались... Он даже... он даже ударил меня. Я пыталась оправдаться, но было понятно, что я виновата. В общем, ничего исправить уже невозможно. Именно поэтому я согласилась принять вас в этой квартире. Она все равно мне уже не принадлежит. Анвар Ахметович подал на развод. Я думаю, что так будет лучше. И для него, и для меня. Мы с ним уже давно были чужими людьми.

– Сколько ему лет?

– Сорок девять. Он старше меня почти на двадцать лет. А я старше его дочери на полтора года. Интересно?

– Вы же все знали, когда выходили за него замуж.

– Мне казалось, что все будет немного иначе. Но все получилось так, как должно было получиться. Мне было необходимо выговориться, рассказать кому-нибудь о том, что на самом деле со мной случилось. Хорошо, что вы позвонили именно сегодня. Иначе я бы спилась. Или выбросилась в окно. Может, я позвоню и попрошу у охранника сигареты?

– Не стоит, – посоветовал Дронго. – Значит, вы решили с ним развестись.

– Конечно. И он абсолютно прав. Вы знаете наше общественное мнение. Каким бы либеральным оно ни было, есть определенная черта, за которую нельзя переходить. Половина наших знакомых замужних женщин имеет статусных любовников, которые появляются с ними на всех вечеринках и тусовках, с одобрения их собственных мужей. А другая половина ханжески осуждает первую, в душе мечтая тоже иметь подобных «друзей семьи». И в моем случае все происходит по строгим правилам нашей тусовки. Пока я тайком встречалась с Егором, все было правильно. Даже когда все видели, что мы уезжаем вечером к нему домой, это тоже было в порядке вещей. Но когда я появилась в больнице рядом с умирающим, я нарушила наши правила, показала свои эмоции. С одной стороны, строгий государственный деятель, известный политик. А с другой – актриса, которая позволяла себе сниматься в откровенных сценах. Вы знаете, как обычно относятся к актрисам. Нас принимают, терпят, дружат, даже говорят комплименты, но в душе считают за... в общем, вы знаете, кем именно нас считают.

Она замолчала. Собака жалобно заскулила.

– И ваш муж узнал, что вы были в интимных отношениях с вашим другом, – мрачно уточнил Дронго.

– Возможно, он и раньше догадывался. Но делал вид, что все в порядке. А когда скандал выплеснулся на страницы газет, он уже не мог отмалчиваться. Может, его даже устраивала такая ситуация, я не знаю.

– Теперь я задам вам один очень неудобный вопрос. Возможно, он причинит вам боль. Но я обязан его задать. А вы должны меня спокойно выслушать и постараться на него ответить. Договорились?

– После смерти Егора я готова к любому испытанию, – подняла она голову. – О чем вы хотите меня спросить?

– Предположим, ваш супруг догадывался или знал о ваших отношениях с молодым человеком. Предположим, он мог узнать об этом до того рокового дня. Возможно, он уже тогда решил действовать. И неожиданная смерть вашего друга – это месть вашего обманутого супруга. Он ведь восточный человек, и не в его правилах прощать измену.

Она изумленно взглянула на Дронго:

– Вы думаете, что это он все организовал?

– Пока нет. Но я хочу знать ваше мнение. Он мог бы решиться на подобный шаг, если бы твердо знал, что вы ему изменяете? Подумайте, я вас не тороплю.

– Я даже не стану долго думать. Конечно, мог. И поверьте: во мне говорит не обида разведенной жены, хотя мы еще пока супруги. Если он спокойно посоветовал мне избавиться от нашего общего ребенка, то почему он должен был пожалеть Егора? Мог. Он все мог. Но я не понимаю, каким образом? Нужно было найти человека, чтобы отравить Егора. А среди приглашенных были только знакомые отца Егора и сотрудники его компании. Мой муж умный человек. Он не сумасшедший. Если бы он кого-нибудь подкупил, это сразу бы стало известно. Он способен на подобный шаг, но он бы не стал травить Егора. Скорее нанял бы киллера, чтобы его застрелить. Господи, какие страшные вещи я говорю...

– Давайте немного отвлечемся. Вы все время были в тот вечер рядом с Егором?

– Нет. Конечно, нет. Он ходил между столами, здоровался и целовался с каждой женщиной, с каждым мужчиной. И все смотрели на него как на принца, наследника большой империи. Нет, я не могла быть все время рядом с ним. Мы разговаривали с Натальей. А потом я отошла к своим друзьям.

– У меня еще один неприятный вопрос. Но поймите, что я задаю их ради того, чтобы найти человека, виновного в смерти вашего друга. Как вы считаете, у Егора были другие женщины? Если вам неприятно отвечать на этот вопрос, можете не отвечать.

– Почему? Конечно, были. Он был молодой, красивый, богатый. И все его обожали. Признаться, что я его дико ревновала. Понимала, что не имею права, но ревновала. Даже несколько раз устраивала ему сцены ревности, скандалы.

– А как он реагировал?

– Смеялся. Говорил, что не ревнует меня к моему старому мужу.

– «Старый», – недовольно пробормотал Дронго, – почему «старый»? Вашему супругу только сорок девять. Мне немного меньше, но я не считаю себя старым.

– В двадцать лет все сорокалетние кажутся глубокими стариками, – возразила Мила, – он и мужа своей сестры считал стариком.

– Какие у них были отношения?

– Достаточно напряженные, насколько я могу судить. Наталья обожала своего брата, и это вызывало у ее мужа некоторую досаду. Николай Данилович считал Егора бездельником и плейбоем, а тот считал сенатора занудой и очковитирателем. Так он его и называл. Но из-за Натальи внешне они старались не ссориться.

– А с отцом?

– Отец его обожал. Просто обожал. Выполнял любые прихоти своего сына, считал его своим наследником. Не дочь и не своего зятя, а именно Егора.

– Может, поэтому Егора и убили. Ведь Николай Данилович мог считать себя его конкурентом. Если Егора устранить, то огромное состояние его отца перейдет к дочери и соответственно зятю. А отцу уже много лет.

– Что вы такое говорите? – испугалась Мила. – Так можно подозревать кого угодно. И даже меня, решив, что я его убила из ревности. Нет, так нельзя даже думать. Это нечестно, неправильно.

– Моя профессия предполагать любые, даже самые невероятные варианты. В жизни бывает разное. Хотя лично я всегда придерживался принципа Оккама. Был такой английский ученый-логик в четырнадцатом веке – Уильям Оккам, который вывел формулу «не умножай сущее без необходимости». Поэтому, всегда держа в уме и самые невероятные варианты, я понимаю, что разгадка чаще всего бывает достаточно простой.

– И у вас всегда были самые простые ответы? – не поверила Мила. – Вы никогда не сталкивались со сложными делами?

– Я всю жизнь сталкивался со сложными делами. Но сама причина должна быть простой. Ясной, четкой. Нигде и никто не убивает из интереса. Только сумасшедшие маньяки, но они обычно не травят свои жертвы. Мотивы всегда достаточно четко просчитываются: деньги, наследство, ревность, месть, сокрытие тайны, обида, несчастный случай. И достаточно легко найти убийцу, вычислив конкретный мотив преступления.

– Возможно, – согласилась она, немного подумав. – Вы подождете, пока я позвоню вниз и попрошу нашего охранника принести мне сигареты?

– Не подожду, – ответил Дронго, – видимо, вы и раньше прибегали к его помощи. Лучше потерпите. Понимаю, как вам сложно, но лучше не срывать.

– Я больше не могу, – вздохнула она.

– У Егора были близкие друзья? С кем он дружил?

– Что? – отвлеклась она от своих мыслей.

– Вы знали его близких друзей?

– Конечно, знала, – она нахмурилась, – и нужно сказать, что его друзья влияли на него не лучшим образом. Я ему много раз об этом говорила, но он только смеялся. И я чувствовала себя не очень хорошо в таких случаях. Вы меня должны понять. Я казалась себе строгой воспитательницей, которая не разрешает своему подопечному встречаться с плохими друзьями. Мне казалось, что я излишне навязываю ему свое видение жизни.

– Кого именно вы знали?

– Всех. Всех, с кем он близко дружил. С двоими он учился еще в Лондоне. Вы знали, что он учился в Великобритании?

– Нет, не знал.

– Он поехал туда после школы. Целый год проучился на подготовительном, потом поступил в университет. И в двадцать три года его окончил. Кажется, по специальности «менеджмент». Окончил, правда, не с самыми лучшими оценками, но все-таки сумел сдать все экзамены. Его друг Илларион, с которым они учились вместе, не сумел сдать экзамены и получил справку о том, что прослушал определенные курсы.

– Как его фамилия?

– Илларион Гоцадзе. Его отец известный предприниматель, один из акционеров Северного трубопрокатного завода – Эдуард Гоцадзе.

– Кто еще?

– Илья Шмелев. Он тоже учился в Англии, но в другом университете. Или в колледже, я точно не помню. Он у нас специалист по европейскому искусству, художник и коллекционер. Шмелев влиял хуже всех на Егора, он вечно придумывал какие-то невероятные истории,

какие-то дикие забавы. Его отец – известный художник Савелий Шмелев, вы наверняка о нем слышали. Сыночку только двадцать шесть лет, но он уже известен на всю Москву своими загулами и выходками. Я всегда была против их дружбы.

– Кто-нибудь еще?

– Пожалуй, только Казбек Малхазов. Его дядя, кажется, президент или премьер одной из наших кавказских республик. Племянник ездит по Москве на своем «Феррари» и забавляется ночными гонками. Насколько я знаю, он уже дважды попадал в автомобильные аварии, но остался в живых.

– Не очень интеллектуальная компания, – заметил Дронго.

– Что вы хотите? – сразу бросилась защищать своего бывшего друга Мила. – Он ведь был совсем молодой человек. А Гоцадзе и Шмелев – практически однокашники, и он не мог сразу порвать с ними связи. Он говорил, что они как мушкетеры. Себя он считал умным Атосом, Иллариона называл долговязым Арамисом, тучного Илью – Портосом, а южанина Казбека – д'Артаньяном.

– Забавно, – вежливо согласился Дронго. – В таком случае кто был королем или кардиналом? И была ли у нашего Атоса своя Миледи?

– Наверное, это я, – усмехнулась Мила, – но они не пускали меня в свой круг. У Казбека всегда были самые красивые девочки Москвы. И все малолетки. Не больше восемнадцати-девятнадцати. Можете представить, как им нравился богатый южанин на своем красном «Феррари». Признаюсь, я очень ревновала к ним Егора. Они казались мне вызывающе молодыми и наглыми. Наверное, когда женщине под тридцать, она немного иначе относится к восемнадцатилетним. Но они были такие «пустышки».

– Они употребляли наркотики?

– Возможно, – она нахмурилась, – но только не Егор. Он был достаточно разумный и выдержанный. Возможно, иногда баловался, но я ничего подобного не замечала. Вы знаете, как сейчас у молодых людей. Разные экзотические коктейли, разные легкие наркотики. И не забывайте, что они учились в Лондоне, откуда легко могли ездить в Амстердам, где наркотики просто продаются в барах и ресторанах.

– Они ездили?

– Насколько я знаю, да. И несколько раз. Всегда вспоминали об этом с какой-то усмешечкой.

– Вы встречались с ними в компаниях?

– Никогда. Егор был достаточно разумным человеком, чтобы меня не компрометировать. Я известная актриса, супруга сенатора, замужняя женщина. Он понимал дистанцию между нами и не позволял себе приглашать меня туда, где бывали его друзья. Хотя в последний месяц мы забыли о всякой осторожности, встречались иногда достаточно открыто.

– На последнем приеме, откуда вы уехали вместе, были его друзья?

– Конечно, были. Все трое. Отец Гоцадзе тоже был. Они давно знакомы с отцом Егора.

– Где они работают? Я имею в виду его друзей?

– Это наша «золотая молодежь», – ответила Мила, – где они могут работать? В каких-то компаниях или фирмах, которые им принадлежат. Я недавно прочла такую фразу, что гораздо легче родиться на вершине, чем долго туда карабкаться. Вот они все и родились на вершинах. Предыдущее поколение, которым сейчас за тридцать, называли «мажорами», а эти скорее просто «золотые мальчики». Или «золотые камешки», как их называют. Сверкают, блестят, дорого стоят и никому не нужны. Ведь ими нельзя расплачиваться. Эти мальчики ничего не хотят делать. Денег им хватит на тысячу лет вперед. Они наслаждаются жизнью и стараются получить от нее все, что можно. Илларион член совета директоров компании своего отца. Кажется, у него официальная зарплата сто тысяч долларов. Или что-то около того. Казбек владеет модельным агентством, ночным клубом и, по-моему, автомагазином. Или нет. Ночной клуб записан на его

младшего брата. Точно не знаю. Но он никогда не работал. За него работают его менеджеры. Хотя я знаю, что у него есть на Пречистенке огромный офис, где оборудован его кабинет. И он там появлялся раз в месяц или еще реже.

– А Илья Шмелев?

– Официально он тоже считается художником. Хотя какой он художник. Мазня одна. И покупают его «концептуальные картины», как он сам о себе говорит, только его друзья. Такие же «золотые камешки», как он сам. У него большая галерея, своя мастерская с видом на Кремль. Он даже купил квартиру в знаменитом Доме на набережной. Говорил, что его вдохновляют тени замученных в этом доме наркомов и комиссаров. Такой глупый юмор.

– Егор с ними часто общался?

– Достаточно часто. Но я все время пыталась увести его из этой компании, оторвать от них. Особенно от Шмелева. Я словно чувствовала, что ему нельзя с ними дружить.

– Почему?

– Не знаю. Не могу объяснить. Какое-то подсознательное чувство страха, неосознанной тревоги. Мне не нравились их вечеринки, их встречи, их молодые подруги. Может, я просто боялась его потерять или ревновала, не знаю. Трудно выразить свои ощущения. Черт возьми, как мне хочется курить. Я больше не могу. Извините.

Он достала телефон и позвонила охраннику. Дронго печально наблюдал за ее разговором. За всю свою жизнь он не выкурил ни одной сигареты и не понимал, в чем находят удовольствие люди, вдыхающие табачный дым. Она коротко извинилась и пошла к входной двери. Послышался ее голос. Охранник уже поднялся к ним на этаж и вручил ей пачку сигарет. Очевидно, он знал о ее пристрастиях. Она вернулась в гостиную уже с сигаретой в пальцах.

– Извините, – повторила она, – но я не могла больше терпеть.

– У вас есть какие-нибудь подозрения или версии случившегося? – уточнил Дронго.

– Да, – честно ответила она, – я ждала именно этого вопроса. И поэтому так нервничала. Но, честное слово, я даже не думала о муже. Все произошло так быстро и неожиданно. Нет, я никого не подозревала. Но когда Наталья сказала мне, что это был яд, я прежде всего подумала о Максиме Георгиевиче Гловацком. Только о нем.

– Кто это?

– Я не должна вам о нем говорить, – она затаилась, – но, возможно, только я знаю все подробности. Гловацкий работает директором института. Он химик или биолог, я подробностей не знаю. Но он мог получить такой яд и попытаться отравить Егора. Возможно, он это и сделал, но я никому не говорила о своих подозрениях.

– Почему?

Она снова затаилась.

– Дело в том, что дочь Гловацкого и Егор раньше встречались. Они были обручены. Но потом эта помолвка была расторгнута. Я не могла быть причиной, это случилось почти два с половиной года назад. Но я слышала, что Максим Георгиевич был их разрывом очень расстроен.

– За это уже давно не убивают, – улыбнулся Дронго.

– У дочери был тяжелый нервный срыв, – пояснила Мила, – она уехала лечиться в Швейцарию.

– Откуда вы знаете, что институт Гловацкого имеет какое-то отношение к ядам? Это должна быть закрытая информация.

– В его институте работает двоюродная сестра моей матери. Та самая, у которой я жила еще десять лет назад, – пояснила Мила, – и она говорила мне, что Гловацкий был очень недоволен тем, что его девочку отвергли. Они разрабатывают там какие-то препараты, которые воздействуют на людей. Но проверяют на животных. Я хотела напомнить об этом Наталье, она ведь не знает, чем занимаются в институте Гловацкого. Но когда она сказала мне, что они решили

найти частного эксперта, я подумала, что будет лучше, если расскажу обо всем именно вам. Поэтому я вас так ждала.

– Дайте мне адрес этого института, – попросил Дронго.

Она потушила сигарету и продиктовала ему адрес. Он взглянул на пепельницу.

– Спасибо за помощь, – сказал он на прощание, – но у меня есть к вам одна просьба.

Личная просьба.

– Какая? – удивилась она.

– Перед тем как уйти, я заберу эту пачку сигарет. Я думаю, так будет правильно.

Она улыбнулась. Показала кончик языка. Покачала головой.

– Вы, оказывается, не только частный детектив, но еще и немного психолог. Лечите души своих клиентов?

– Почти, – серьезно ответил Дронго, – только я не психолог. А скорее священник. Мне часто приходится выслушивать исповеди, а затем отпускать чужие грехи.

Она протянула ему пачку.

– Спасибо. И до свидания, – он повернулся и пошел к выходу. Белый пудель поднял голову, глядя, как он уходит. Мила смотрела куда-то в сторону.

Он спустился вниз и выбросил пачку сигарет в мусорное ведро. Затем повернулся к охраннику.

– Не смей носить ей сигарет, – строго сказал Дронго, – у нее может быть интоксикация от табака, и она умрет. А тебя посадят лет на двадцать в тюрьму. Понял?

Молодой человек не знал, что такое «интоксикация», но понял, что его могут посадить. И он испуганно кивнул головой.

Дронго сел в автомобиль и позвонил Эдгару:

– Ты уже договорился о встрече?

– Хорошо, что ты позвонил. Он будет ждать нас через полчаса, – обрадовался Вейдеманис.

– Тогда я не успею к тебе заехать. Бери свою машину и приезжай к ним в офис. Что-нибудь еще?

– Да. Звонила Наталья Кирпичникова. Очень нервничала. Она говорит, что они знают, кто мог отравить ее младшего брата.

– Она ждала, чтобы я начал расследование, чтобы сообщить мне эту новость? – недовольно пробормотал Дронго. – Ладно, я ей сейчас отзвонюсь.

Он перезвонил Кирпичниковой.

– Добрый день. Что у вас нового? – поинтересовался Дронго.

– Мы знаем, кто его отравил, – сразу сообщила Наталья. – Николай Данилович сумел уточнить, чем именно занимается один наш знакомый. Я могу назвать вам имя убийцы. Это Гловацкий. Директор Института неорганической химии. У него были свои причины. Я вам обо всем расскажу...

Глава 5

Дронго поморщился. Кажется, в этом случае принцип Оккама срабатывает слишком очевидно. Если среди знакомых есть обиженный химик, то он обязательно должен быть отравителем. Достаточно последовательная и понятная логика.

– У меня сейчас встреча с Босенко. Если вы разрешите, я потом вам перезвоню и мы поговорим более подробно, – предложил Дронго. – Где вы сейчас находитесь?

– Не в городе, – сухо сообщила Наталья, – но если нужно, я вечером приеду в город. Давайте встретимся в магазине «Гермес». Я сейчас продиктую вам адрес...

– Простите, – несколько удивился Дронго, – но в магазине нам будет сложно беседовать.

– Ничего, – сказала Наталья, – директор уступит нам свой кабинет. Это мой магазин, и, я думаю, там можно будет поговорить спокойно.

– Договорились.

«У богатых свои причуды», – подумал он.

Компания «Сибметалл» располагалась в районе Измайлова. Там возвели новое двадцатидвухэтажное здание, которое выгодно отличалось от других высоток своим современным дизайном и мраморной облицовкой. Уже подъезжая, Дронго снова перезвонил Эдгару.

– Я уже на месте, – сообщил Вейдеманис, – но я не совсем понимаю, почему ты настаиваешь на встрече в их офисе. Мы могли бы встретиться где-нибудь еще.

– Мне важно лично побывать на месте, – ответил Дронго. – Во-первых, посмотрим, какая обстановка в компании, а во-вторых, выясним, какое положение в иерархической системе занимает сам Босенко.

– В каком смысле? – не понял Эдгар.

– Какой у него кабинет, где он находится, насколько далеко от кабинетов руководства компании, каков штат его сотрудников, его персональные права и обязанности, как он вообще себя чувствует в этой фирме. В общем, нам нужно обязательно побывать у него в гостях.

– Понятно, – немного обиженно сказал Вейдеманис, – у тебя всегда свои веские причины. Между прочим, когда я позвонил Босенко, он был очень удивлен. Не понимает, почему мы решили встретиться с ним в их офисе. Его уже предупреждали о твоём возможном визите. Наталья Кирпичникова посоветовалась с ним, прежде чем обратиться к тебе. Поэтому он готов нас принять. Но он предупредил, что глава компании ничего не знает о нашем расследовании.

– Об этом я помню, – ответил Дронго, – и это сильно мешает. Рано или поздно нам все равно нужно будет поговорить с отцом погибшего.

У здания компании их уже ждал сотрудник службы безопасности. Здесь был четкий, почти военный порядок. У них взяли паспорта, оформили пропуска, потом провели в западное крыло здания, откуда уходили высотные лифты на последние этажи. На двадцать первом этаже находились кабинеты президента компании, председателя совета директоров и нескольких вице-президентов. На двадцатом располагались кабинеты еще двух вице-президентов и самого Босенко. Увидев, куда они поднялись, Дронго одобрительно кивнул, словно его радовало, что кабинет руководителя службы безопасности компании расположен так высоко.

В приемной сидела женщина лет сорока. Она поднялась, приветствуя гостей. Сопровождавший их охранник открыл дверь, предлагая им войти в кабинет. Это был строгий кабинет метров на пятьдесят. Функциональный и удобный. Без всяких излишеств. Большой просторный стол. Несколько телефонов. С правой стороны от входа была установлена большая панель, разделенная на восемь частей. Телевизоры показывали обстановку внизу, в холле и перед зданием. Очевидно, службы безопасности дублировали наблюдающие камеры в кабинете своего шефа. Босенко оказался мужчиной лет шестидесяти. Сухопарый, подтянутый, невысокого роста, с глубоко посаженными глазами, редкими темными волосами. Он энергично пожал

руки обоим гостям, приглашая их за стол. Сам сел напротив, как бы давая понять, что считает гостей равными коллегами.

– Я много о вас слышал, – сообщил Босенко, очень громко выговаривая слова, словно адресовался к большой аудитории, – это я предложил Наталье Аристарховне обратиться именно к вам. Среди профессионалов у вас очень высокий рейтинг. Говорят, вы умеете творить чудеса.

– Спасибо, – кивнул Дронго, – вы можете мне сказать, как это могло случиться? Ведь ваши люди наверняка работали на том приеме.

– Да, – мрачно ответил Босенко, – мы уже все проверяли, но не нашли никаких следов. Уже на следующий день вымыли все стаканы, выбросили всю еду, все напитки. Но никто больше не отравился. Ни один человек. Мы внимательно просматривали пленку, пытались определить, кто мог подойти к бокалу младшего Богдановского. Но ничего подозрительного не обнаружили. Самое неприятное, что я отвечал за безопасность этого приема. И получается – именно я виноват в том, что произошло. Я подал рапорт об увольнении, но Аристарх Павлович его отклонил...

– Вы работаете вместе уже много лет?

– Именно поэтому. Уже пятнадцать лет. Я знал Егора еще мальчишкой. И тоже не поверил в эту непонятную язву. Наталья Аристарховна посоветовалась со мной, и мы решили тайком от ее отца провести эксгумацию. Когда наши подозрения подтвердились, я хотел передать все материалы в прокуратуру. Но я понимаю, что они ничего не найдут. Прошло слишком много времени. А обнародование результатов экспертизы неизбежно вызовет неприятный скандал. Это ударит и по репутации компании, и по здоровью самого Аристарха Павловича. Плюс некоторые интимные обстоятельства, о которых никто не должен знать. Насколько мне известно, вам уже сообщили, кто именно был с Егором в ту ночь. Обнародование подобной информации могло бы повредить имиджу семьи Богдановских и вызвать понятный скандал. Поэтому мы приняли решение пригласить такого опытного специалиста, как вы.

– Вы работали в Комитете государственной безопасности? – уточнил Дронго.

– Да, – кивнул Босенко, – я ушел в девяносто первом, сразу после августовских событий. Мне тогда было сорок семь. И я очень благодарен Аристарху Павловичу, который взял меня на работу в компанию и не позволил моей семье умереть с голоду. Поэтому я их вечный должник. И я сделаю все, чтобы найти убийцу, и сам перегрызу ему горло, если понадобится. Я любил Егора как сына и никогда себе не прошу его убийства.

– Кем именно вы работали? – спросил Дронго. – В каком отделе и в каком управлении?

– Это имеет отношение к вашему расследованию? – удивился Босенко.

– Мне интересно знать, какой у вас опыт, – пояснил Дронго.

– Я работал в Шестом управлении КГБ СССР, – пояснил Босенко, – если вы помните, чем именно оно занималось.

– Помню. Экономическая контрразведка и промышленная безопасность. Вы и сейчас работаете по прежнему профилю. Получается, что вы уже много лет занимаетесь охраной промышленных секретов.

Босенко улыбнулся:

– Аристарх Павлович тоже говорил мне об этом, когда приглашал на работу.

– Пятнадцать лет, – вспомнил Дронго, – вы должны быть в курсе всех секретов этой семьи. Судя по вашему кабинету, расположенному на двадцатом этаже, рядом с кабинетами вице-президентов, вы занимаете в компании довольно видное положение.

– Мы создавали эту компанию с нуля, – сказал Босенко, – но я могу всего лишь охранять секреты фирмы. Расследование преступлений не моя стезя, для этого нужно иметь другие навыки.

– Согласен. Но вы можете помочь мне. Кто и зачем мог убить младшего Богдановского? Или захотеть его убить?

– Если бы я знал, то нам не пришлось бы обращаться к вам за помощью, – прямо ответил Босенко.

Вошла его секретарь.

– Чай, кофе? – спросила она.

– Чай, – попросил Дронго.

– Кофе, – ответил Эдгар.

– Мне тоже кофе, – согласился Босенко, переходя на нормальный тон.

– Зеленый или черный? – уточнила секретарь Дронго.

– Можно зеленый, – согласился он.

Она вышла из кабинета.

– У вас нет списка подозреваемых? – спросил Дронго у хозяина кабинета.

– Четыреста человек, – напомнил Босенко, – и почти всех я лично знаю много лет. Известные политики, депутаты, два министра, художники, писатели, журналисты, бизнесмены, актеры. Всех понемногу. Но подозреваемых не было. Иначе я бы сам стал «разрабатывать» такого человека.

– Вы знали, с кем именно встречался Егор Богдановский?

– Если вы спрашиваете про эту актрису, то знал. В квартире Егора мы установили камеру. Только для страховки. На всякий случай.

– Надеюсь, не в спальне?

– Нет. У входной двери. Мы старались обеспечить безопасность всех руководящих сотрудников компании...

– А заодно гарантировать их верность?

– Возможно, – спокойно согласился Босенко.

– Он об этом знал?

– Нет. Никто об этом не знал. Мы ставили такие камеры только с согласия Аристарха Павловича. Поэтому мне точно известно, кто приходил к Егору за последние два года. И когда уходил. Абсолютно точно.

– Удобно, – вежливо согласился Дронго, – и, значит, его связь с этой актрисой для вас не была секретом?

– Она подруга Натальи Аристарховны, – напомнил Босенко, – и супруга коллеги Николая Даниловича. Конечно, мы все знали.

– Аристарх Павлович тоже знал об этой связи?

– А при чем тут он? – мрачно спросил Босенко.

Секретарь внесла поднос. Поставила чашечку с чаем перед Дронго. И подала кофе двум другим мужчинам. Быстро вышла. Здесь царила идеальная выправка.

– Он знал или нет? – уточнил Дронго. – Вы же понимаете, что я спрашиваю не из праздного любопытства.

– Знал, – кивнул Босенко.

– Любопытно. Он разрешил вам устроить слежку за собственным сыном.

– Это была не слежка, – возразил Босенко. – Аристарх Павлович человек высоких нравственных убеждений и порядочности. Он никогда не позволил бы нам сделать что-то противозаконное. Мы всего лишь обеспечивали безопасность его сына и, не забывайте, вице-президента компании. Это входит в наши обязанности, – он опять говорил громко, менторским тоном, словно читал лекцию. Эдгар даже поморщился.

– У Егора был телохранитель? – спросил Дронго.

– Нет. Он не любил, когда с ним находился кто-то из посторонних.

– И отец ничего не говорил сыну по поводу его связи с замужней женщиной?

– Н-нет, – не очень уверенно ответил Босенко.

– Виктор Алексеевич, я приехал сюда именно потому, что вы рекомендовали меня в качестве эксперта, – напомнил Дронго, – и приехал, чтобы помочь найти возможного преступника. Поэтому не нужно меня обманывать.

– Я не обманываю. Но это личный вопрос, который...

– Который касается смерти Егора Богдановского, – перебил его Дронго, – и я не прошу, а требую, чтобы вы отвечали на мои вопросы о личной жизни погибшего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.